

Глава 42

Разбитая радуга затмевает солнце, как можно отказаться от смерти?

За окном. Далеко. Смутная, но высокая тень. Он не вошёл, как остальные. Лишь смотрел.

Его взгляд, казалось, пронзал кровавое месиво на полу и останавливался на нём.

— Небесная дева? Красота без сердца, но чище, чем живые... Тоже хочешь выпить?

Тот человек наливал себе вино и говорил о пустяках.

О том, что дворцовые чертоги сияют великолепием, но на деле — лишь гнилое болото. О том, что толпа вокруг отвратительна, а воздух пропитан смрадом. О том, что лучше созерцать картины во дворе, чем пить вино в этом зале.

Голос, знакомый до раздражения, но почему-то приковывающий к себе всё его внимание.

Дань Фэн!

Почему он? Почему вернулся? Почему именно сейчас, именно здесь?

В тот миг кислотная горечь и безграничная злоба смешались в его душе, превратившись в нечто неопишное.

Если бы тогда он не проявил минутного милосердия и не отпустил Дань Фэна, возможно, ничего из этого не случилось бы. Даже смерть он встретил бы в бескрайних снегах дворца Чанлю, а не здесь, терпя унижения и пытки.

Грудь Се Ни, обратившаяся в остов из обнажённых костей, вздымалась от ненависти. Он жаждал выползти из пепла и утопить его в этом же море крови.

«Убить их... Убить всех, кто стоит на пути... И тебя вместе с ними!»

Проклятие было пропитано отчаянным нежеланием сдаваться. Он знал, что это лишь слепая ярость, что он сам выбрал этот путь, но наследный принц Чанлю, Се Ни, уже сгнил под действием запретной техники. Невыносимая боль породила лишь демона. А демон не разбирает, кто прав, кто виноват, не знает ни добра, ни зла. Он лишь хочет, чтобы другие испытали ту же муку, что терзает его сейчас, хочет разжать им глотки и влить туда страдание, упиваясь их криками и слезами, чтобы унять собственную боль.

Дань Фэн замолчал. И вскоре ушёл.

Дворец погрузился в безграничную тьму. Лишь шипение плавящейся плоти, подобное мириадам червей, выползающих из гниющих костей, продолжало пожирать его.

И только в этой тьме Се Ни осознал, что даже его ненависть не была чистой.

Он всё ещё чувствовал страх.

Он не ощущал своего тела. Возможно, боль притупила чувства, превратив его в стоячую воду. Даже когда он отчаянно цеплялся за землю, его плоть распадалась, как грязь, не в силах собраться воедино.

В сотый раз он пытался подняться. И в сто первый — с бессилием рассыпался прахом.

Ни рук, ни ног, ни тела, ни тени... Лишь ледяная тьма. Кто он теперь — человек или призрак?

Неужели это конец?

Изучение техник, подобных Переплавке Тени, — это хождение по краю бездны, где каждый шаг грозит падением. Но он не должен был потерпеть поражение сейчас, в этом месте, куда не проникает ни единый луч света. Луна его родины стала несбыточным сном... Нет, он не смирится... он ещё хотел... вернуться домой!

Пять пальцев в луже крови слабо дёрнулись.

Что это была за рука?

Похожая то на багровую, мутную тень, то на не до конца расплавленную восковую кость.

Одно лишь прикосновение к земле — и из неё сочились бесчисленные струйки чёрно-красной крови.

«Позволь мне... стать кровавой грязью и восстать... из моря трупов!»

Голос Дань Фэна раздался снова, но на этот раз — в звоне тетивы.

Не циня, а лука.

Звонкий щелчок — и рёв тигра, и рык дракона разорвали ночную тьму.

Дань Фэн никогда не умел играть на цине. Это был лишь отголосок убийственной ауры, рождённый натянутой тетивой. Он держал стрелу наготове, не спуская её, и тетива скрипела от напряжения. Он чего-то ждал. Или это был лишь жестокий способ запугать добычу.

— У тебя девять стрел, чтобы покинуть это место.

Стрела сорвалась с тетивы, неся с собой пламя и смерть!

Огонь упал на землю, и море хлынуло вспять.

Невероятно грубый, яростный выстрел, от которого тетива едва не лопнула. Дань Фэн лишь вонзил в землю свой длинный клинок, чтобы упереться, и, склонив голову, принялся настраивать лук. Его спина — широкие плечи, узкая талия — была до боли знакомым образом, выжженным в глубинах огненного моря. Несокрушимый, как железо и камень.

Возможно, именно отсюда и родилось то смутное наваждение, что преследовало Се Ни долгие годы.

Сто шагов.

На расстоянии одного выстрела.

Ни больше, ни меньше. Ни близости, ни отчуждения.

Это было самое безопасное расстояние между ними.

После первого выстрела повсюду раздался грохот рушащихся дворцов. Сначала послышались испуганные женские крики, и женщины бросились бежать во все стороны. Затем появились и другие, более тёмные тени, спасающиеся от гнева небес.

— Как быстро бегут. Все разбежались? — произнёс Дань Фэн. — Стойте. Ваше время — девять стрел.

Он не обращал ни на кого внимания, настраивая лук и натягивая тетиву.

— Небесная дева, ты тоже плачешь? — добавил он.

Его взгляд, казалось, пронзил толстые каменные стены и на мгновение задержался на нём.

Се Ни и раньше не умел плакать, а теперь, когда его глаза превратились в кровавые источники, из них не могло пролиться ни слезинки.

— А, так это просто расплавленная киноварь, — сказал тот. — Я побуду с тобой, пока не погаснет огонь.

Вторая стрела.

Всё та же первобытная ярость. Всё, что стояло на пути, взрывалось кровавым дождём. Высокие башни и золотые залы обращались в песок. Густой дым не мог скрыть бегство хищников — все они устремились на восток.

В этот момент Дань Фэн запел.

Грубо, нескладно. Это была боевая песнь, рождённая в дыму сотен сражений.

Но она терзала распадающееся сознание Се Ни, словно раскалённая рука, сжимавшая его, не давая разветвляться, как дым. Наконец он узнал мелодию. Это был «Плач об увядшей весне», незатейливая песенка, что когда-то порхала по улицам, словно ивовый пух, и которая в день гибели Чанлю звучала повсюду, сопровождая безумный смех.

...

Он слышал. Он не мог забыть.

Се Ни положил руку на оконную раму. Всё та же кровавая тень, в которой смутно угадывались плавающие белые кости.

Огонь от стрел ещё не погас, и поднимающийся жар заставлял его кипеть изнутри. Боль, ненависть, жизнь, смерть — он испил до дна чашу всех ядов и страданий.

Странная сила, способная, казалось, уничтожить мир, наполнила его. Каменные стены, державшие его в плену, стали тонкими, как бумага. Но эта же сила была хрупкой, готовой в любой момент рассеяться. Его сознание то вспыхивало, то угасало. Ему хотелось кричать, выть, но в то же время — петь во весь голос.

Он уже мог вырваться на свободу, но почему-то медлил.

И дождался.

Последняя стрела. Тетива натянута до предела. Острие направлено ему прямо в лоб.

— Я провожу тебя, — сказал Дань Фэн.

Сокрушительный выстрел. Тетива лопнула, и стрела полетела вперёд, движимая лишь силой его пальцев. Последняя огненная башня с грохотом рухнула на землю. Вместе с ней рассыпались киноварь и охра Небесной девы. Её прекрасные черты, изящная фигура, цветок в её пальцах — всё обратилось в прах, в мириады летящих осколков белых костей.

Когда Дань Фэн повернулся, чтобы уйти, кровавая тень вырвалась из-за стены.

Слияние с тенью, переплавка костей.

В горниле огня нет ни дня, ни ночи.

Одна ночь кровавого дождя... освободила разбитую радугу!

Он был в тумане, движимый лишь жаждой убийства.

Кто стоял на пути — умирал. Кто смотрел в лицо — умирал. Годами копившийся яд, одна ночь кровавой бани во дворце. Их тела были мягкими, как воск, их кровь — гуще восковых слёз. Он шёл сквозь них, пока сила и разум не иссякли в безудержной ярости. Он начал чувствовать, что кровавая грязь под ногами слишком холодна.

Та фигура была впереди. С длинным клинком в руке, она пересекала горы и реки.

В пределах ста шагов.

Всё ближе.

Собрав всю свою усталость, он прыгнул и погрузился в сон в его тени.

Дань Фэн резко обернулся, словно хотел поймать его, как когда-то во дворце Чанлю. Но его правая рука, сжатая в подобие клинка, пронзила его дантянь. И это тоже было знакомое чувство...

Боль от разрушенных истинным огнём меридианов снова захлестнула его!

Один и тот же сон, повторяющийся снова и снова. Один и тот же человек, то обнимающий его, то уничтожающий.

Веки Се Хунъи дрожали всё быстрее и быстрее. Он не мог вырваться из кошмара, метался на подушке, волосы его промокли от пота. Чья-то рука, на удивление нежно, стёрла пот, а затем... жестоко прижала его голову обратно к Подушке безмятежных снов.

Чёрный туман заполнил пространство под пологом кровати.

<http://bllate.org/book/16978/1590053>